

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

© 2015

*О.Г. Бочкарева,
зав. отделом экспозиционно-выставочной деятельности
Тольяттинского краеведческого музея*

Аннотация: Вопрос значимости личности в истории предполагает, в том числе, рассмотрение степени влияния человека на исторический процесс через осмысление событий, явлений и их взаимосвязей. По степени вовлеченности личности в процесс, человек является «исследователем», либо «очевидцем». «Исследователь» – человек, осмысливающий исторические события по прошествии некоторого времени, а значит исключенный из исторического процесса. «Очевидец» – человек, включенный в происходящие события, в процессе осмысления их переживающий. Для каждого элемента этой классификации соответствуют свои подходы и приемы анализа исторического процесса. «Исследователь» использует сбор материальных (документальных, официальных свидетельств) и нематериальных (воспоминания всей типов трансляции устного и письменного) источников и их анализ. «Очевидец» создает эти источники, как правило, в виде дневников и мемуарной литературы, т.е. проводит анализ исходя из собственных знаний и представлений. Обозначенные источники могут существовать самостоятельно, но сформировать полную картину эпохи можно только при их сочетании. Фактический исторический материал должен дополниться особыми культурными образцами, языком, ценностными ориентирами, характерными для конкретного времени, а значит, являющимися либо причиной, либо следствием исторического процесса. Краеведение Ставрополя-Тольятти обладает ограниченным набором мемуарной литературы – исторических источников. Самые яркие из них – воспоминания И.В. Комзина и К.И. Смирнова, работников Куйбышевгидростроя, непосредственных участников строительства Куйбышевской ГЭС и рождения новых городов, Ставрополя и Жигулевска. Контент-анализ этой литературы показывает, насколько информативны могут быть эти источники. Позволяет сравнить подходы авторов, а также расширить исторические детали строительства ГЭС, развития Ставрополя, раскрыть некоторые особенности эпохи.

Ключевые слова: краеведение, мемуары, гидростанция, строительство, Ставрополь, Жигулевск, заключенные, исторический процесс, исторические источники

Ставший традиционным уже вопрос о роли личности в истории, по сути дела, сводится к проблеме определения понятия, которое предполагает в традиционном своем варианте обоснование влияния конкретного человека на исторический процесс в экономическом, социальном или культурном плане. В определении под личностью имеются в виду политические деятели, вожди и «великие люди», те кто лучше, глубже и полнее других осознаёт новые потребности развития общества, необходимость изменения существующих условий и решительнее других борется за это, умеет найти и указать силы, пути и средства для осуществления задач, стоящих перед обществом, народом, классом [1, 640]

Нам же хотелось обратить внимание на другой аспект этой проблемы. На наш взгляд, за рамками определения осталась личность, исследующая и осмысливающая исторический процесс, точно также как и значимость влияния этой личности на ход истории.

По степени вовлеченности личности в процесс, человек является «исследователем», либо «очевидцем». «Исследователь» – человек, осмысливающий

исторические события по прошествии некоторого времени, а значит исключенный из исторического процесса. «Очевидец» – человек, включенный в происходящие события, в процессе осмысления их переживающий.

Для каждого элемента этой классификации соответствуют свои подходы и приемы анализа исторического процесса. Исследователь использует сбор материальных (документальных, официальных свидетельств) и нематериальных (воспоминания всей типов трансляции устного и письменного) источников и их анализ. Очевидец создает эти источники, как правило, в виде дневников и мемуарной литературы, т.е. проводит анализ исходя из собственных знаний и представлений.

Если значимость исследователя признана исторической наукой, то вот в отношении очевидца, четкого понимания пока не сложилось. Обычно, история воспринимается и понимается как совокупность фактического материала о прошлом. А вопросы мировоззрения и социальных связей, которые тоже теоретически являются сферой деятельности историков, остаются вне границ их творчества. А ведь каждое общество дает всем своим представителям особые культурные образцы, язык, ценности, которые в свою очередь влияют на их деятельность, а значит, является либо причиной, либо следствием исторического процесса.

В чем же причина такого пренебрежения.

В работе при описании той или иной исторической эпохи при достаточной простоте насыщения информационного поля историческим фактическим материалом, практически невозможно сформулировать и проанализировать изменение нематериального общественного поля в силу отсутствия серьезной источниковедческой базы.

Таковыми источниками и могут быть оставленные очевидцами труды, представленные, в основном, тремя жанрами: дневниками, воспоминаниями (записками) и автобиографиями.

Особенность этих источников заключается, во-первых, в специфике содержания – это высказывания о времени и о себе с определенной, характерной – в том числе и для времени – точки зрения. Ведь личность формируется в зависимости от положения, которое она занимает в рамках социальной структуры и несёт в себе черты культуры, к которой принадлежит[3].

Во-вторых, в них очень хорошо просматривается сам автор – его интересы, пристрастия, жизненные установки, возможно и их трансформация.

В-третьих, здесь содержится большое количество деталей о других современниках, так или иначе контактировавших с автором.

По нашему мнению, в качестве источников более интересны произведения непрофессиональных литераторов, далеких от литературы людей, для которых это, скорее, деятельность, созидаящая новые объекты и качества, схемы поведения и общения, новые образы и знания. Что можно также охарактеризовать как расширение творческого поля и результат «избыточности интеллектуальных качеств человека, по отношению к тем, которые необходимы ему в повседневной жизни»[7].

Даже самый поверхностный анализ мемуарной литературы обнаруживает, что авторами выступают люди, для которых нормой жизни является творческая деятельность не только повседневно-бытового вида, но также производственно-технического, изобретательского, научного, политического, организаторского, философского, художественного, мифологического, религиозного и т.п.

Любопытная деталь. Ставрополь и ставропольчане оказались в середине XX века в гуще «революционных событий». Их жизнь и дом сломали «до основания», а затем

построили что-то новое. Но они оказались не готовы поделиться своими личными переживаниями с будущими поколениями, мне не встречались мемуары жителей Ставрополя, написанные или записанные в 50-х годах XX века.

А вот в среде строителей Куйбышевской ГЭС, которые как раз и производили все «революционные действия»: затопление города, строительство сооружений гидростанции, перенос строений, строительство домов на новом месте, формирование городской инфраструктуры, – такие люди нашлись. Правда, все они занимали в той или иной степени ответственные посты.

В данной работе хотелось бы обратить внимание на двух авторов: начальника строительства КуГЭС И.В. Комзина и начальника СМУ правого берега К.И. Смирнова. Авторы в профессиональном плане личности равнозначные, чего нельзя сказать о подходах в изложении воспоминаний.

В том числе, и в отношении достоверности излагаемых событий и искренности в их оценках.

Написание мемуаров происходит, как правило, по прошествии многих лет – так сказать, на досуге. Автор использует свои дневниковые записи или пишет по памяти, но в любом случае, для таких произведений характерно присутствие внутренней авторской цензуры.

Именно этот момент, на мой взгляд, является камнем преткновения – насколько можно считать воспоминания достоверными. Автор, ни в коем случае не желая получить в качестве отклика обвинения в фальсификациях или упреки в неискренности, может преследовать разные цели, в том числе и намеренно вводить в заблуждение потомков. А потому огромную роль в определении значимости воспоминания как источника исторической информации играет личность самого автора.

В качестве иллюстрации к вышесказанному рассмотрим внимательно книги И.В. Комзина: «Это и есть счастье» и «Я верю в мечту» (обе содержат почти одинаковый текст по интересующему нас периоду), а также и воспоминания К.И. Смирнова.

Сделать выводы о значимости мемуарного произведения невозможно без дополнительной, прежде всего – документальной информации, а потому, в силу своей достаточной осведомленности о строительстве КуГЭС, ограничимся только главами, относящимся к этому периоду деятельности авторов.

О времени. О работе. Но не о себе.

Комзин человек неоднозначный. Он живет как будто на показ, все для страны. Он ведет дневник, но не в силу внутренней потребности. «Как-то 6 лет назад на строительство прибыла группа писателей. Один из них настойчиво советовал: «Вы находитесь на стройке, каких еще не было в нашей стране. Ведите дневник! Записывайте все, а пройдет 5 лет, мы с вами издадим хорошую книгу»[4,23].

Причем, записи там довольно специфичны для дневника:

«19 декабря. Полностью кончили монтаж первого агрегата. Опущен в кратер ротор второго. На первом агрегате начался монтаж возбудителя. Через несколько дней состоится пробная прокрутка, а потом – под нагрузку...

Вся страна ждет весточки с Куйбышевгидростроя. Снова съехались на стройку гости: корреспонденты, кинооператоры.

Это не наплавной мост, залитый солнцем, где часами гуляли наши гости, члены семей строителей. Лютый холод. А в машинном зале, среди стынущего железа, мороз кажется еще крепче.

.....

29 декабря. В 18 часов 18 минут первый агрегат включен в сеть!»[5, 115-117]

Как будто, заполняя дневник, автор думал не столько о том, чтобы зафиксировать событие, сколько о безопасности для себя этого текста.

Надо сказать, что в фондах Тольяттинского краеведческого музея есть один из дневников Комзина. Но глубоко ошибается исследователь, если предполагает найти там иное повествование.

Ощущение такое, что Иван Васильевич даже во сне думал советскими штампами и лозунгами – при отсутствии информации, чрезмерное наполнение пафосом. Либо верил до такой степени, либо так сильно у него было развито рассудочное мышление.

Не имея общеисторического представления о времени, невозможно разобраться в этих записях. Он как будто и хочет рассказать, да не может.

Это тоже показатель времени. Он сам как это время – работоспособный, эмоциональный, резкий, непостоянный. Он не говорит, он намекает.

Намекает на «сложности» в организации строительства. Хотя сложности у Комзина получаются какие-то ненастоящие.

Был на стройке ручной труд, тяжелый, но ведь «на кручи не полезешь с автопогрузчиком, не загонишь туда машину»[4,112].

Строительство велось без соответствующей или не до конца продуманной документации, но ведь, «намаявшись за 6 суток монтажники», повозившись «на головокружительной высоте: никак не могли попасть в то «ухо», которое соединяет трос с гирляндой изоляторов...»[4,78], все же, закончили работу.

Для Комзина это было в порядке вещей. Его больше занимал оказавшийся на участке проектировщик, который «в своем легком пальтишке замерз больше всех, но он не спешил уходить... - Ох, Иван Васильевич, говорит он, – впереди еще много дела! Надо соединить кабель с гирляндой, а мы запроектировали такое сложное соединение...».

Комзин, как будто приглашая читателя улыбнуться, рассказывает о том, что когда «монтажники, наконец, спустились, Волчека (проектировщик) осенила блестящая идея.

- Я вижу, я понял! – воскликнул он. – Можно делать соединение иначе, совсем просто...

Один из монтажников, одессит, добродушный остряк, неунывающий парень, на этот раз зло выругался:

- Чтоб ему пусто было, тому клятому инженеру! Его бы туда разочек!»[4,78]

Строительство часто проходило без детального планирования, как получится. «Когда же, наконец, Дмитрий Иванович железнодорожные строители научатся работать без штурмовщины?... Тогда, когда этому научитесь вы, гидростроители...»[4,78] А если и происходило это планирование, то весьма специфическим способом.

« - Сколько вы за смену стыков варите?... Это как, реально для рядового сварщика? Две нормы?

Подняв голову, я увидел на арматурной паутине Марию Болдыреву – ученицу Улесова и повторил вопрос:

- А, как ты думаешь, Машенька, реально или нет?

- Две нормы? – переспросила Болдырева и тут же ответила: - Конечно реально, Иван Васильевич. По две с половиной даем!»[5,77]

А что такое социалистическое соревнование, как не штурмовщина? Но штурмовщина вредна, а соцсоревнование – норма в работе.

«Я был в партийном комитете, когда к секретарю пришел Николай Васильевич Разин и показал один из красочных проспектов, присланных «Гидропроектом»:

- Поинтересуйтесь, Александр Сергеевич. По-моему, тут есть над чем подумать.

- Любопытные сведения, согласился секретарь парткома и, прочитав проект, добавил: - А что, Николай Васильевич, не довести ли их до сведения агитаторов?

- Зачем? Чтобы они раструбили, как мы далеки от американского рекорда укладки бетона. Мы в силах побить этот рекорд. Согласитесь, Николай Васильевич, задача эта реальная...

Разин задумался. Приближалась пятая годовщина Куйбышевгидростроя. Работы были в разгаре...

- Да, идея стоящая...»[4,40]

Чтобы успеть, не соблюдали технику безопасности, в уверенности, что коллеги-строители в любой момент придут на помощь и все закончится благополучно.

«Маневрируя на путях с платформами, на которых были установлены тяжелые бадьи для бетона, машинист на повороте дернул состав: платформы оторвались от мотовоза и покатались, набирая скорость, к месту, где стояли новые машины... Василий знал, что под новыми мотовозами лежат люди. Никто из них не знает о надвигающейся беде... Василий понял: надо что-то бросить на рельсы под колеса первой платформы. Юноша оглянулся и увидел штабель шпал... последнее усилие и шпала брошена на рельсы. Шпалу отбросило словно спичку. Горбач, собрав последние силы, кинулся за ней, чтобы повторить попытку. Но и вторая попытка кончилась неудачей... вдруг резкий удар остановил платформы. На рельсах, почти у самых колес первой платформы, судорожно вцепившись в шпалу, придавив ее всей тяжестью сильного тела, лежал Василий Горбач. ... После неудачи он решил удерживать шпалу руками, налечь на нее изо всех сил...»[5,78]

Или еще. «Бетонщик Пахомов орудовал лопатой у самого жерла виброхобота, из которого валом валил тяжелый липкий бетон, и нечаянно ступил в густое, клейкое месиво, ступил и увяз. Парень пытался высвободить ноги, но его таки засасывало в бездонную кучу... В двадцать рук взялись и мигом разгребли бетон, откопали Пахомова, вытащили перепуганного насмерть»[5,79].

Вообще вся книга Комзина – «песнь» мощи человеческого духа. Он как будто постоянно удивляется тому, чему стал свидетелем.

Молодая девушка на его предложение «перейти в проектный отдел... напрягла свои (простуженные) голосовые связки и выкрикнула: - Для того ли я стала инженером, чтобы пересаживаться от одного стола к другому!», что она сумела организовать людей, обеспечить строительство материалами и сдать первый объект на стройке – стадион[5,40-41].

Предотвращая аварию – неподвижно повисла бадья с бетоном, один из молодых инженеров взобрался на башню кабель-крана и пошел по обледенелому тросу к тележке, распутал стальные узлы и тележка тронулась с места...

Из намеков автора становится понятна особенность работы начальника строительства. «Конечно, я не безграмотный строитель, имею теоретическую подготовку и немалый практический стаж, но все же проекта Куйбышевской ГЭС, честно говоря, я по-настоящему тогда не знал....

Здесь воистину открылась для меня академия.

Начал я с изучения проекта. Принципы легче было понять, чем детали. В организации работ общее направление было яснее, чем конкретные технические решения...»[4, 10]

Много ли изменилось в ходе строительства, автор не признается. Да и не важно это было; на строительстве имелись главный инженер, проектировщики, начальники строительства правого и левого берега – вот они должны были разбираться в технических вопросах. А Комзин?

В его обязанности начальника строительства входила забота о подчиненных, что Иван Васильевич делал с удовольствием. «Я хотел проверить, как обеспечивают строителей, не питаются ли они всухомятку из-за нерасторопности отдела снабжения»[4, 101].

«Наверное, с жильем плохо? ...

- У нас действительно неважно с жильем, начал один из парней, - То есть жить есть где, но живем мы все врозь, в разных общежитиях.

- ...мебель-то у вас есть?

Вызвал я заместителя по бытовым вопросам.....

- Подготовим клуб, обеспечим музыку, буфет и т.д.

- ... Отгуляем свадьбу,.. А потом молодым идти некуда.

- Ситуация ясна. Надо до субботы раздобыть для молодоженов 2 комнаты...

- Это еще не все. Надо и о мебели подумать.

- В рассрочку?

- Сейчас наведем справку...

Но не было на месте ни главного бухгалтера, ни его заместителя. Ну, я и решил, что будет, то будет, и написал на заявлениях молодоженов: «Выделить мебель в рассрочку на 12 месяцев»[5,64].

«Недавно я выхлопотал партию автомобилей для продажи нашим рабочим и инженерам, в том числе новые машины «Волга». И сразу же стол мой завален был ходатайствами и заявлениями, поднялся прямо-таки автомобильный ажиотаж, все хотят купить машину!»[4,154]

Комзина интересовало не только бытовое благополучие. «К концу второго дня (пребывания в Ставрополе) нам удалось подыскать мало-мальски пригодное помещение для вечернего гидротехникума...

Разве семейный человек надолго поселится там, где нет ни школы, ни техникума, ни института? Всем хочется держать подросших детей при себе, хочется, чтобы дети учились там, где живут и работают родители. Вот и получается: если в Ставрополе будут средние и высшие учебные заведения, то стройка обеспечит себя постоянными кадрами»[4, 12].

Последнее высказывание очень интересно для историка, ведь известно, что строителями КуГЭС были заключенные, а тут рассуждение как избежать текучесть рабочей силы, «столь губительной для любого строительства». О какой текучести идет речь? Генерал «лукавит»? Или имеет в виду смертность?

Еще одна цитата: «Приезжали большей частью без каких-либо вызовов, без выяснения условий... приезжали, просили работу, да потрудней и поинтересней... приезжали из больших городов, где оставляли уютные квартиры...

В ноябрьский день ко мне вошел человек в телогрейке, в шапке-ушанке, представился, предложил свои услуги... и Рыков взял на себя командование добровольческой армией строителей дороги Ставрополь-Кунеевка»[4,28].

Текст идет в самом начале повествования и теоретически относится к 1951 году. Кто это сам приезжал, если стройка была подчинена НКВД и, соответственно, строительство было закрытой зоной? Вопросы вызывает и работа агитаторов, приглашающих на стройку, и огромное количество писем. А если человек нужен был стройке? Его нанимали или же определяли производственным лагерем?

Огромный коллектив окружал Комзина, но его воспоминания о людях очень поверхностны, иногда он останавливается только на фамилии и имени. За небольшим исключением – Коваленко и Канн.

«Ничего не могу с собой поделаться, такой видно у меня характер – люблю беспокойных людей. С ними веселее работать и жить... С беспокойным человеком поговорить приятно: у него всегда припасена какая-нибудь интересная идея»[4, 47].

Видимо, поэтому Комзину очень симпатичен Борис Коваленко. «Ловкач. Хитрец. Тщеславен. Любит фотографироваться для газет и журналов. Водит знакомство и дружбу с писателями и кинооператорами, с артистами и художниками, вхож к министрам. Но никакой корысти. Только для дела. Только для бригады, для стройки. Он влюблен в свою работу, рвется вперед, жаждет отличиться. И эту страсть нельзя не уважать»[4,89]. Очень похоже на самого генерала.

Еще один портрет личности, совершенно противоположной автору. «Вовсе не желая обидеть моего друга, скажу, что из всех начальников района Канн считался самым упрямым. Эта черта его характера мне нравилась. Есть два типа упрямец – активные и пассивные. Один глух к возражениям и доводам... другой упрямится активно – с размаху бьет по возражениям и доводам, уверенный в своей правоте, наступают, доказывает и добивается своего. Упрямото Канна было именно таким.

Канн как бы состязался со своим главным инженером Алексеем Ивановичем Трегубовым: кто дольше сохранит спокойствие. Чем горячее обстановка, тем невозмутимее были оба»[4,121].

Надо сказать, что личность В.Я. Канна остается загадкой, о нем сохранилось очень мало информации, даже в энциклопедии строителей Самарской области ее нет. А ведь, пусть и небольшой промежуток времени, он возглавлял Куйбышевгидрострой.

О себе Иван Васильевич тоже почти не пишет. Однако каждое слово подтверждает его чрезмерную эмоциональность. И лишь несколько строк наводят на мысль об амбициозности автора – он не может спокойно воспринять критику. Услышав на собрании замечания по поводу своей работы, он ходит хмурый. Получив телеграмму, где «строго указывают, что допущены большие потери материалов, мое руководство, говорится в телеграмме, стоит на низком уровне. Я неправильно оцениваю успехи, некритически отношусь к промахам... Беру машину и еду в котлован. Еду на жилстроительство, на склады, в гаражи. Учиняю строгий разнос, кричу, срываюсь и ловлю себя на том, что каждому подчиненному почти полностью повторяю телеграмму, присланную лично мне...»[4,60]

Он не гордится этой своей чертой характера, не любит вспоминать о нехороших своих поступках – в позднем издании этих откровений о себе уже нет.

Также там сокращены немногочисленные описания семейной жизни, а ведь в этих небольших отрывках совершенно меняется стиль повествования. Комзин пишет о домашних с большой теплотой. «С шумом и треском распахнулась дверь, и в спальню влетели сначала дочурка Ирина, а за ней ее трехлетний племянник и мой внук Вася, борин

сынишка. Пыхтя, малыши забрались на мою кровать и нырнули под одеяло. Я знал, что вскоре войдет Ольга Яковлевна и с нарочитой озабоченностью спросит меня: «Ты не видел детей? Никак не могу их найти». В тут озорники с ликованием закричат: «Вот мы где!»...

Перед завтраком мы втроем – Иринка, Вася и я – делали зарядку...». Любопытно, что приведенный отрывок в первом издании начинается главу под названием «А все таки это счастье!» Вот оно настоящее откровение – для Ивана Васильевича Комзина, вопреки всему, счастьем была именно семья.[4, 128]

В целом оба издания воспоминаний И.В. Комзина при первом знакомстве создают грустное впечатление: пафосность изложения, достаточно общие сведения о работе, т.е. строительстве, и общественных настроениях, плоские портреты людей, которые его окружают.

Все это вызвано, на мой взгляд, тем, что автор скрывает свою личную позицию. Книги нужны как политический заказ, и автор готов их ретушировать в зависимости от этого заказа. Это очень заметно при сравнении текста, т.к. весь текст «Это и есть счастье» вошел в книгу «Я верю в мечту». За 14 лет, прошедших с издания первой книги, автор изменился, а вместе с ним изменился и текст.

И хотя нельзя однозначно сказать, что Комзин говорит неправду, но все это сильно снижает значимость книг, как краеведческого источника.

«Пишу о чем угодно...»

Скорее всего, именно Иван Васильевич подтолкнул Смирнова к написанию книги. После издания «Это и есть счастье» Комзин подарил свою книгу Смирнову и даже сделал дарственную надпись. Кирилл Иванович увидел там проявление эгоизма, которого, видимо, ему хотелось избежать. А потому, имея образец перед глазами, делал все наоборот.

Как и его товарищ по работе, Смирнов пишет дневники. «Начиная с 1957 года, я завел дневниковую запись для себя в маленьких книжечках "для ежедневных записей" ...»[6,5].

Ведет записи, не рассчитывая их издать в дальнейшем, пишет воспоминания для семейного пользования, для внуков.

«Писал я больше всего, естественно о работе...». Упоминает Кирилл Иванович технические детали и довольно доступно объясняет. Но самые интересные моменты относятся к его работе начальником, т.е. описанию взаимоотношений с коллегами и подчиненными. Эти подробности дают представление и понимание многих нюансов социальной жизни того времени, а в некоторых случаях даже открывают что-то новое.

Прежде всего, возникает довольно полная картина самой организации управления таким масштабным строительством.

Он делает очень интересное замечание, из которого следует, что существовал определенный порядок утверждения на должность в зависимости от уровня руководителя. Например, должность начальника строительного участка на ГЭС «относилась к номенклатуре должностей, назначение на которые утверждалось обкомом партии».

Смирнов не намекает, он признает несовершенство системы управления. «Дважды я допускал даже недозволенный прием (теперь можно сознаться, хотя это и не похвально) - подписал задним числом несколько чертежей как руководитель отдела Гидропроекта, уже не будучи им...»[6,44], т.к. начальник участка иногда оказывался перед нелегким выбором – получать выговор, требовать и ругаться с проектировщиками или подделывать документацию.

Из-под его пера выходят довольно полные яркие и образные портреты людей, с которыми он работал. Друзья, такие как Мурысев, и коллеги, такие как Канн. Но больше всего уделяет внимания Кирилл Иванович, как ни странно, портрету Комзина. С этим человеком связаны и обиды, и благодарность, и критика, т.е. много разнообразных эмоций. Ведь ситуации были различными. Были даже открытые конфликты.

«Иван Васильевич только что вернувшись из Чехословакии должен был по указанию обкома на завтра выступить с докладом на партконференции о задачах строительства и этим был взвинчен. Нигде не побывав, ничего не видя, пользуясь, видимо, только информацией, полученной от Малыгина /своего зама/, обрушился по телефону с необоснованными гневными упреками в адрес моих первых помощников...

На конференции... Во мне все кипело, и я один из первых попросил слова... Говорил, что ...практика окрика, которую культивирует т. Комзин, не разобравшись в существе дела, решая все с маху, не обдумавши! А когда нужно конкретно помочь - его помощи нет.

...Если бы И.В. действительно болел душой за дело, он не покидал бы стройку на такие длительные сроки, тем более что поездка в "Карлсбад" не была для него уж так необходима.

...В президиуме конференции мы сидели рядом с Иваном Васильевичем. Когда я под аплодисменты зала с внутренней дрожью возвратился на свое место густым басом "Ивана Грозного" прошипел "Ну я покажу Вам тухлого осетра". И в перерыве все ходил сам не свой, темнее тучи, ни с кем не разговаривая...

... Как мне передавали, ему... рекомендовали рассматривать мое выступление как критику снизу, а к ней партия призывает относиться с уважением и не "зажимать" ее...

...Еще в марте директор филиала индустриального института В.Н.Зубков мне сообщил, что я утвержден председателем государственной экзаменационной комиссии /ГЭК/ при защите дипломных проектов студентами института.

Однако я узнал о защите дипломов случайно. ...Оказывается на совещании в институте, когда т. Зубков информировал, что председателем ГЭК остается К.И.Смирнов, Иван Васильевич заявил, что он считает более достойной кандидатуру академика Разина...

Передали мне также, что как-то Иван Васильевич патетически заявил, что он ошибся в Смирнове»[6, 165,218,234].

Комзин так внутренне и не признал свои ошибки, и если бы не усилия Смирнова, конфликт мог бы длиться до бесконечности. Но Кирилл Иванович настоял на личной встрече и извинился за свой неправильный тон.

Что удивительно, этот эпизод не повлиял серьезно на отношение Смирнова к Комзину. Сколько тепла чувствуется в других замечаниях!

«Иван Васильевич - натура широкая, увлекающаяся, обладающая большими организаторскими способностями, фигура внешне богатырская, ростом близким к 2 м, весом в 110 кг. "Лапища" его служила "притчей во языцах". Для людей новых он часто представлялся строгим и хмурым. От них, может быть, пошла его кличка "Иван Грозный". Мы хорошо его знавшие, это прозвище воспринимали как юмор. Ему ничего не стоило следом за строгим словом простодушно рассмеяться характерным для него громким смехом. Конечно, он был артистом и любил позировать. Живя по соседству, можно было видеть, как летом во дворе он "крестится" 2-пудовками и бывает доволен, если его наблюдают. От Порт-города (орфография Смирнова К.И.) до управления он часто добирался бегом, пуская машину сзади себя»[6,255].

Никто больше не оставил такого яркого и подробного портрета Комзина.

Работа на строительстве велась напряженная. Но для начальника строительного участка это было естественным ходом вещей. Смирнов до мозга костей советский человек, и он чувствует себя как рыба в воде, когда есть проблемы и трудности технического порядка. А вот смена приоритетов в народном хозяйстве, отразившаяся и на снабжении и на отношении к самим строителям в правительстве, оказалась для Смирнова довольно болезненной. Он подробно рассказывает о своих переживаниях в то время.

Зная, что традиционно окончанием работ считался пуск последнего агрегата, после ввода в эксплуатацию последнего 20 агрегата на Куйбышевской ГЭС, 14 октября 1957 года, куйбышевгидростроевцы тоже посчитали, что можно «рапортовать» и готовиться к празднику.

«Около водосливной плотины Севастьянов строил "шатер" для банкета по проекту архитектора Гидропроекта Рочегова. Выглядел он весьма нелепо, но еще более нелепо выглядела арка при въезде на сооружения, с левого берега. Выполнили ее из еловых веток в виде гирлянды, с двух сторон поддерживаемой стреловыми гусеничными кранами. Народ называл это сооружение "Ивановы штаны" (идея арки, говорят, принадлежала Ивану Васильевичу Комзину).

Ближе к празднику Иван Васильевича со свойственной ему "пробивной силой" добился отпуска на празднование из особых фондов лучших вин и коньяков, закусок, фруктов и кондитерских изделий»[6,318]. Продумали все: для обслуживания банкета вызвали полсотни поваров и официантов; для обеспечения порядка вызвали из Саратова курсантов школы милиции.

«... А наш праздник все откладывался. Назвали, как достоверную дату 23 ноября, потом Комзин назвал как окончательную - 30 ноября. ...Министр А.С. Павленко 26 ноября позвонил не без явного удовольствия Комзину и сказал, что вероятно все отложится примерно на год. 27 ноября ... в половине восьмого вечера Иван Васильевич смог говорить с Хрущевым. Никита Сергеевич сказал, что приедут они тогда, когда мы все кончим, что вопрос этот будет решен на президиуме ЦК»[6, 367].

Кирилл Иванович очень переживал эту ситуацию, даже через много лет, чувствуются его эмоции. «Казалось, что наши ворота кто-то намазал дегтем»[6, 169].

Теперь, когда главной задачей была отделка здания ГЭС, появились сложности уже не технического характера. «В мастерской ртутных выпрямителей мы никак не могли закончить полы, не могли достать необходимых керамических плиток и кислотоупорного цемента, у нас отсутствовали нужные вентиляторы...»[6,369-370].

Однако проблема была не только в материалах, но и в специалистах-отделочниках. Комзин и Смирнов отправились в Москву, чтобы обсудить создавшееся положение. «Носов - ... полунасмешливо, полупрезрительно отпарировал, что коллегия ...будет слушать Комзина не об отделочных работах... и добавил, что он вообще против форсирования отделочных работ»[6, 415]. Тогда Смирнову пришлось настаивать на том, чтобы не ждать пока на строительстве «вырастут» свои отделочники, а использовать специалистов других строительных организаций и не затягивать строительство.

Другими словами, дата сдачи ГЭС в эксплуатацию была определена, а потом, как оказалось, и подготовлена именно Смирновым.

Упоминает Кирилл Иванович еще один интересный факт, касающийся традиционной для того времени системы поощрения, награждения за строительство Орденами и Медалями. Когда видишь списки награжденных в газете, в голову не приходит, что выбирали кого наградить, ориентируясь не на вклад человека в работу, а просто чтобы их было определенное количество. «Нам, работникам правого берега,

предложили составить списки награждаемых 48-ми орденами Ленина, 96-ти Трудового Красного Знамени, 136-ю орденами "Знак Почета" и 520 медалями, всего 800 человек»[6, 452]. Естественно при таком подходе могли произойти накладки, что собственно и случилось.

«... Искренне жаль, что заслуги некоторых были оценены ниже того, что они заслужили. К ним я отношу Александра Владимировича Аригольда и Кирилла Сергеевича Иванова. Первый из них получил орден Трудового Красного знамени, второй - Орден Ленина.

Аригольд был в списке на орден Ленина, но за несколько дней до издания Указа число награжденных сократили и уже без участия обкома и строительства в ЦК список окончательно был отредактирован»[6,452-453].

Вообще, надо сказать, для мемуаров Смирнова характерна удивительная откровенность. Он не боялся рассказать о малоприятных для него и как для человека, и как для начальника участка моментах. Рассказывает он и о несчастных случаях, причем довольно подробно.

Как ни печальна эта тема, но строительство, тем более такое масштабное, не может обойтись без происшествий. По воспоминаниям Смирнова, только за один год их случилось 24. Большинство их было со смертельным исходом. Даже через 20 лет после того, как все это происходило, в точном описании подробностей этих случаев, чувствуются тяжелые переживания автора – «не берусь выразить состояние, охватившее нас, да и всех работающих Куйбышевгидростроя»[6, 379-380].

И как всегда, у него встречаются настоящие откровения о времени. В данном случае очень интересен тот факт, что смерть на стройке не была событием обыденным, как обычно в виде намеков можно встретить в исторической литературе, посвященной советскому периоду.

«Массовый несчастный случай со смертельным исходом был чрезвычайным происшествием на столичном уровне – к нам немедленно приехали и прилетели расследователи из Куйбышева и Москвы.

Решением бюро Ставропольского горкома партии Комзину и Разину было "поставлено на вид", мне, Аригольду, Иванову, Липгарту по строгому выговору с занесением в учетную карточку. Дело относительно Аригольда, Иванова и Липгарта было решено передать следственным органам для привлечения их к уголовной ответственности.

Следствие по делу Аригольда, Иванова и Липгарта велось больше года. Только вмешательство Министра /Ф.Г.Логинова/, его обращение к М.Т. Ефремову в начале 1957 г. после прекрасного завершения работ в 1956 г. положили конец следствию по указанию М.Т. Ефремова»[6,378].

Смирнов упоминает и причины, которые могли привести к несчастным случаям на строительстве. В первую очередь, конечно, ошибки в организации работ. Например, когда «лагерная администрация... допустила оставление людей на ночь на участке»[6, 378].

Смирнов вспоминает, что однажды, после несчастного случая возмущенные рабочие в большом количестве собрались в котловане. Чем все это могло закончиться?... Ситуация требовала решительных мер от руководства. «Нами было вызвано лагерное начальство, рассказано ему, что произошло и почему было нарушено элементарное требование техники безопасности самим погибшим. Мы с лагерниками шли и объясняли толпе причины несчастья. Мой помощник по технике безопасности через громкоговорители по радио оповестил о случившемся, о его причинах и еще раз напомнил всем о необходимости соблюдать строжайше все требования правил безопасности»[6, 379].

Некоторые несчастные случаи происходили и по безалаберности самих работников. «В нижнем бьефе сооружений, особенно на быстротоке у гидростанции всегда скапливались громадные количества ценных пород: осетра, белуги, белорыбицы, вдоволь было и щуки, и судака и других рыб...»[6, 376].

«Безобразную картину можно было наблюдать 15 июня, когда один из заключенных после включения тока от сварочного трансформатора, увидев всплывшего громадного сома, в отводящем канале ГЭС, бросился за ним со станции в воду. Течение в канале беспокойное, выбиваясь из сил, он все же до сома добрался, но сом в это время пришел в себя и нырнул от своего погубителя, а последний, истратив силы, тоже начал погружаться вслед за сомом. Тогда бросился спасать товарища еще один. Вскоре и он начал тонуть. Только находившийся поблизости катер спас жизнь этих людей»[6, 376].

С браконьерством на стройке связана, может, не самая большая, но самая беспокойная для начальника участка авария. 6 августа, за несколько дней до приезда правительственной комиссии, двое рыбаков решили порыбачить, оглушая рыбу электротоком. А в результате на ГЭС «прорвало шпонку между грязеспуском и десятой секцией.

Через шов хлещет вода... Нижнее помещение распределительных устройств затоплено на половине длины станции. Вода угрожает затоплением всех помещений.

Оценив обстановку на месте, я убедился, что катастрофы нет, что с водой мы справимся... Я решил ... спуститься снова в нижние помещения.

Там наверху были тысячи людей, а здесь я один. Сделал несколько шагов в обратном направлении и, вдруг слышу грандиозный глухой взрыв и вижу быстро ослабевающий свет...

Я нахожусь в абсолютной темноте, ниже горизонта Волги. У меня ... даже спичек нет, есть только знание до мелочей всей ситуации, всех помещений.

...Подбегаю, человек говорит, что взорвался трансформатор...

Минут через 40-45 после взрыва была подана энергия от запасного трансформатора...»[6,405].

Не забывает он рассказать и о заключенных. Сам Кирилл Иванович, видимо воспринимал эту часть системы организации строительства, как саму собой разумеющуюся, но все-таки не до конца был с этим согласен. Переход на использование вольнонаемных работников, создал большие трудности для начальника строительства, но как человека его это расстроило не очень.

Воспоминания Кирилла Ивановича и здесь оказываются откровением. В середине 50-х гг. в самих лагерях складываются удивительные отношения. «С переходом в мае на сокращенную зону работ, лагерь не обеспечил своевременный выход рабочей силы на объекты. Опоздания доходили до часа. Съём с работы происходит минимум на полчаса ранее. В котловане масса загорающих, купающихся, ловащих рыбу...Лагерное начальство /т. Лугошнин и Ширяев/ не интересуются работой своих людей»[6,407].

Это замечание достойно стать самостоятельной темой исследования.

Для Смирнова тема репрессий была болезненной, прежде всего, потому что затронули его семью непосредственно – была репрессирована его жена. Кирилл Иванович, повествуя в своих воспоминаниях, ни по одному другому вопросу не высказывает так много мыслей. «К осени 1956 г. Куйбышевский обком партии на своем заседании рассматривал вопрос о восстановлении Нади в партии. Так закончилась формально по датам для Нади печальная история 1937 года. Однако 20 лет опалы в лучшие годы жизни человека от 32 до 52 лет не могли не сказаться на ее судьбе коренным образом.

Прежде всего, она была мать, отнятая от своих детей 7 и 3 лет от роду. Они не познали до конца тепла ни материнских рук, ни непрерывной заботы о себе, что и формирует святое материнство, связующее жизнь уходящую с жизнью новой, утверждающейся.

Вторая травма для человека активного, признанного способным пойти в науку, - отсечение безвозвратно такой возможности. Больше того, условия жизни с 37 по 45 год исключали быть в курсе событий в стране и мире, в литературе... У нее уже не могло возникнуть и не возникало желания вернуть утраченные возможности. Она чувствовала свою отсталость. Ее здравый смысл, подсказывал ориентировать себя служению семье и Родине, т.е. созданию домашнего очага и заботе о муже...»[6,360].

А если прочитать внимательно, то понимаешь, что и сам Кирилл Иванович пострадал, что лишив определенных возможностей его жену, государственная система лишила тем самым этих возможностей и его самого. Это, в свою очередь, возможно, и стало причиной нарастающей напряженности в семье Смирновых.

Но Кирилл Иванович не критикует, он просто констатирует.

Смирнов не воспринимает сложившуюся в СССР систему социального неравенства как что-то несправедливое, а потому его воспоминания изобилуют и интересными бытовыми подробностями жизни.

Он пишет и о денежном вопросе. «... по существующему положению за пуск каждого агрегата при соблюдении сроков и прочих условий коллектив получал большие премии. Руководители Куйбышевгидростроя и берега премировались, как правило, месячным окладом за агрегат.

...Помню, мне Комзин начислил одновременно премию, равную 4-м месячным окладам. Это было так необычно много, что я, несмотря на недоумение руководства, сказал, что ограничиваю себя 3-х месячным окладом»[6,399].

Не считает он несправедливым пользоваться двумя машинами "Победой" и ЗИМом. А учитывая то, что для Смирнова, имеющего обязательно собственное мнение по профессиональным вопросам, в бытовом плане совершенно не характерно особое поведение, можно сделать вывод, что такой подход к «благам цивилизации» был довольно распространен в среде руководящего состава.

Не обходит стороной он и вопрос с жильем. Уже в середине XX века, квартира воспринималась и как показатель материального благополучия и как показатель профессиональных достижений. Все трудности в этом вопросе очень быстро разрешались. Нет отдельного жилья сегодня? Почему бы не пожить некоторое время вместе с семьей товарища, тем более что «усадьба Разиных, вероятно, была размером с полгектара»[6,102]. А вскоре займем и отдельную квартиру в доме на 2 хозяев. Сменил работу, тут же переезжаем «в Жигулевск, в только что законченный строительством капитальный дом №35 по Лермонтовской улице, в квартиру № 5 из трех комнат.

Как всегда, на новом месте было неуютно, холодно, сыро, неубрано, неустроено. ... я подключил хозяйственников - своих помощников. Они помогли вскоре обставить квартиру мебелью»[6,102].

Несмотря на то, что в воспоминаниях Кирилла Ивановича большое место отведено семье, семейным делам, проблемам и описанию решений этих проблем, его интересы явно лежат в другой плоскости. И все же, Кирилл Иванович, делает одно очень интересное замечание касающиеся быта – в семье одного из его коллег на стол к пирогам ставили «замечательный» самогон. Больше никаких уточнений и пояснений. А вопрос действительно интересный. Определенный процент заключенных на стройке присутствовал практически до самого окончания строительства. Горожанам и

руководству приходилось с этим считаться. Каким образом формировался ассортимент продовольственных товаров для магазина? Были ли какие-то ограничения или правила продажи алкоголя в то время? И самогон делали, потому что не устраивало качество алкоголя или не было возможности его приобрести?

Подводя некоторый итог, нужно отметить, что произведения, представленные вашему вниманию противоположны.

Различная степень откровенности авторов рождает и различную форму исторического интереса.

Воспоминания Кирилла Ивановича – это кладезь для историка. Подробности и нюансы, которыми изобилует его повествование, практически полностью раскрывают тему организации управления строительством в середине XX века, помогают восстановить общую картину общественной жизни. Этот смело можно классифицировать как текст ответов.

А вот книги Ивана Васильевича, как уже было сказано выше, не несут какой-либо серьезной исторической информации. Однако говорить об их бесполезности несправедливо. Это - тексты вопросов. Они дают историку возможность сформулировать вопросы для дальнейшего исследования.

Произошло это, потому что авторов можно отнести к разным типажам советского человека.

Комзин, как сейчас говорят, публичный человек, и вся его деятельность направлена на одобрение окружающих, что требует постоянного контроля: что сказать, что написать, о чем вспомнить. Он внутренне не совсем согласен с тем, что происходит вокруг, но не готов высказать свои сомнения.

Смирнов человек другой. В моем представлении он концентрирует в себе все идеальные черты советского человека. Его характер можно рассматривать как идеальный образ советского человека. Все, что происходит вокруг него, он принимает практически без возражений. Конечно, он имеет собственное мнение и по поводу репрессий, и по поводу правильности назначения того или иного вышестоящего чиновника, он может поспорить даже с Хрущевым, если считает что тот не прав. Но на самом деле серьезных диссонансов у него происходящее вокруг не вызывает. Все это мелочи, а вот в главном он всей душой с Советской Родиной. Да и моральные качества этого человека, проявляющиеся сквозь текст воспоминаний, очень напоминают экранного положительного героя тех лет.

Личность и история

Два разных автора, два разных человека. Ни политические деятели, ни вожди, ни писатели, ни художники и даже не актеры, по крайней мере, профессиональные (потому что по поводу Комзина сказать однозначно этого нельзя). Но, несомненно, личности. И самое главное – это личности, которые оставили свой след не только в народном хозяйстве, построив много каких больших и маленьких объектов, не только в образовании, организовав на пустом месте целую систему образовательных учреждений, но и, что для нас очень важно, в истории. Описав свою жизнь, они сделали возможным понять, что двигало людьми того времени, какие вопросы их волновали, что их тревожило и радовало, куда они стремились и многое другое. Другими словами, почувствовать другое поколение.

С исторической точки зрения, очень жаль, что прошла мода на дневники, что так мало подобного рода литературы и создается и издается, особенно в масштабах местной истории.

А значит, остается так много вопросов, ответы на которые, скорее всего, начнутся со слова «возможно».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 36. М: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1955 г. 642 с.

Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов. http://www.socionauki.ru/authors/grinin_1_e/files/grinin_iis_2_2010.doc дата обращения 10.11.2012

Кабанов. В.В. Источниковедение истории советского общества. Мемуары. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/istochnik/kabanov> (дата обращения 10.11.2012).

Комзин И.В. Это и есть счастье. «Молодая гвардия», 1959 г. 154 с.

Комзин И.В. Я верю в мечту. М: Издательство политической литературы, 1973 г. 217 с.

Смирнов К.И. Воспоминания. Часть IV. Куйбышевгидрострой. Фонды ТКМ. 518 с.

Творчество. URL: <http://ru.science.wikia.com/wiki> (дата обращения 10.11.2012).

Творчество и интуиция. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-67803.html> (дата обращения 10.11.2012).

Философский словарь. Личность. URL: <http://www.philosophydic.ru/lichnost> (дата обращения 06.11.2012).